Автор перевода: Зоро

Стивен Кинг
11/22/63

Я никогда не был плачущим человеком, в прямом смысле этого слова.

Моя бывшая жена говорила, что моя «эмоциональная замкнутость» была главной причиной, почему она оставила меня (как будто парень, которого она встретила на собрании анонимных алкоголиков (АА) был тут не причем). Кристи утверждала, что смогла бы простить меня за отсутствие слез на похоронах ее отца. Я, видите ли, знал его шесть лет, но так и не понял каким замечательным и щедрым человеком он был (чему свидетельствовал, например, его подарок дочери, автомобиль «Mustang convertible», подаренный ей по случаю окончания Старшей школы). Но, когда я не заплакал на похоронах собственных родителей, они умерли с разницей всего в пару лет, папа – от рака желудка, мама – от внезапного сердечного приступа во время прогулки по пляжу «Флорида бич», Кристи начала осознавать что означает «эмоциональная замкнутость». В понимании анонимных алкоголиков, я был «не способен чувствовать».

«Я никогда не видела тебя плачущим», - заявила она ровном тоном, которым обычно говорят люди, пытающиеся поставить окончательную точку в отношениях. - «Даже когда ты отправлял меня в лечебницу, а потом оставил меня там». Этот разговор произошел за шесть недель до того как она собрала свои вещи, проехала через весь город и кинулась в объятья Мела Томпсона. «Мальчики встречают девочек в зале собраний АА» - еще одно выражение, почерпнутое ею на этих встречах.

Я не плакал, когда она ушла. Не плакал даже когда вернулся в наш маленький дом, купленный по внушительной ипотеке.

В дом, где никогда не было ни одного ребенка и вряд ли уже будет. Я просто лег на кровать, которая принадлежала теперь только мне, закрыл лицо руками и забылся.

Без слез.

Но я не был эмоционально замкнутым человеком. Кристи ошибалась на этот счет. Однажды, когда мне было девять лет, моя мать встретила меня, вернувшегося из школы, у входной двери. Она сказала, что мой пес, колли по кличке Рэгс, погиб под колесами грузовика, который не успел затормозить. Я не плакал, когда мы похоронили его, хотя мой отец сказал, что никто не подумает про меня плохо, если я заплачу. Однако я заплакал, услышав о гибели пса. В частности, потому что

впервые столкнулся со смертью, но, в основном, потому, что в мои обязанности было следить за тем, чтобы собака всегда находилась на нашем заднем дворе.

Кроме того, я плакал, когда мамин врач позвонил и рассказал мне о том, что случилось в тот день на пляже. «Я сожалею, но у нее не было шансов. Иногда все происходит слишком внезапно, в чем доктора склонны видеть Божью волю».

Кристи тогда не было дома, она осталась в школе допоздна, поскольку у одной из матерей были к ней вопросы по поводу табеля успеваемости ее сына, и я рыдал всю ночь, это точно. Я пошел в нашу маленькую уборную, взял грязную простыню и рыдал прямо в нее. Не так уж и долго, но слезы были. Я мог бы рассказать ей об этом позже, но не видел смысла, потому как она могла подумать, что я ищу у нее жалости (эта фраза не из терминологии АА, но вполне могла бы быть) и еще потому, что не полагал способность ярко выражать свои эмоции, срываясь при этом на крик, важным условием для счастливого брака.

В последнее время я думаю, что вообще никогда не видел, чтобы мой отец плакал. В лучшем случае, он мог тяжело вздохнуть или пару раз усмехнуться, и никакого учащенного сердцебиения или звонкого смеха для Уильяма Эппинга не существовало. Он был крепким молчаливым человеком, по большому счету таким же, как и моя мать. Поэтому возможно неспособность проливать слезы - это наша генетическая особенность.

Помимо случая, связанного со смертью матери, я могу вспомнить еще один, когда я плакал, будучи взрослым. Это произошло со мной во время чтения истории уборщика. Я сидел в одиночестве в учительской Старшей школы Лисбон Фоллз, работал над стопкой сочинений, которые написали мои взрослые ученики из класса английского языка. Дальше по коридору я слышал глухой стук баскетбольного меча, рев сигналов тайм-аута и крики толпы, наблюдающей за сражением двух спортивных чудовищ: «Лисбонских борзых» и «Тигров школы Джей».

Никогда не знаешь, когда твоя жизнь висит на волоске или почему.

Темой для сочинения я выбрал «День, который изменил мою жизнь». Большинство текстов были написаны от души, но, тем не менее, ужасно: сентиментальные истории о добродушной тетушке приютившей беременного подростка, об армейском приятеле, продемонстрировавшем, что значит настоящее мужество, о встрече со знаменитостью (Круто! - восклицал Алекс Требек, хотя я думаю, что это мог быть и Карл Молден). Учителя, которые дополнительно получают три или четыре тысячи в год за преподавание в классе взрослых, нацеленных на получение Основного эквивалентного диплома[1], знают, какой удручающей работой может быть

[1] Основной эквивалентный диплом ((англ.) General Equivalency Diploma) – диплом об американском или канадском среднем образовании, который выдается любому желающему после прохождения им тестирования по пяти основным предметам в рамках Программы аттестации взрослых ((англ.) General Educational Development, сокращенно, GED).

чтение подобных сочинений. Процесс аттестации достаточно сложен, но по большому счету не для меня. Я позволяю сдать мой предмет каждому, потому как никогда еще не встречал взрослого ученика, который был бы не в состоянии хотя бы немного пошевелить своей задницей. Если вы просто сдадите мне лист бумаги с текстом, то уже можете рассчитывать на зачет от Джейка Эппинга с кафедры английского языка Лисбонской Старшей школы, а если ваша писанина будет разделена еще и на абзацы, вы непременно получите четыре с минусом.

Еще одно обстоятельство, затрудняющее мою работу, заключается в том, что красная ручка стала моим основным инструментом преподавания, и это действительно меня беспокоит. Кроме того, ситуацию портит осознание того, что очень малое количество пометок будут приняты к сведению моими учениками. Если вы достигли 25- или 30-летнего возраста, понятия не имея как правильно писать («вообще», а не «вабще»), особенно названия («Белый Дом», а не «белый дом»), или строить предложение, содержащее и существительное и глагол, то вы вприципе уже никогда этого не узнаете. Все же учителя – настоящие солдаты, храбро обводящие неправильно употребленные слова в предложениях, таких как «мой муж был быстр осудить меня», или вычеркивающие слово «плавал» и заменяющие его на «выплывал» во фразе «после этого я часто плавал на плот».

Вообщем, в ту ночь я занимался ужасно скучной работой, которой даже после финального сигнала последнего баскетбольного матча, не было видна конца. Это происходило незадолго после того как Кристи легла в лечебницу, и насколько я помню, я думал только о том, что вернувшись домой застану ее трезвой (что и произошло, ведь она держалась за свою трезвость больше, чем за своего мужа). Я помню у меня болела голова и я массировал свои виски, чтобы ноющая боль не переросла в тяжелое уханье. Помню, я думал, *еще только три, только три сочинения и я смогу пойти домой, заварить себе большую чашку быстрорастворимого какао и погрузиться в события нового романа Джона Ирвинга, без всех этих искренних, но убогих мыслей, которые вынуждены сейчас крутится у меня в голове.*

Никаких тревожных мелодий или предупреждающих колокольчиков так и не заиграло, когда я протянул руку за сочинением уборщика, лежавшим на верху стопки, и положил его перед собой. Не возникло никакого чувства, что моя жизнь должна измениться. Впрочем, как и всегда в подобных случаях, не так ли? Жизнь может обесцениться в мгновение ока.

Сочинение было написано дешевой шариковой ручкой, которая запачкала во многих местах все его пять страниц. Манера письма была корявой, но разборчивой и писавший его приложил большие усилия, потому как слова были словно выдавлены на дешевых тетрадных страницах. Если бы я закрыл свои глаза, то мог бы прочитать текст кончиками пальцев, словно передо мной шрифт Брайля. Также на конце

каждой прописной буквы «у» была небольшая завитушка, наподобие старомодного росчерка пером. Я помню это очень отчетливо.

Я также помню, как начиналось это сочинение. Каждое написанное слово.

Стояла ночь. Ночь, когда отец убил мою мать, двух братьев и ранил меня, изменила мою жизнь. Отец покалечил и мою сестру. Так сильно, что она впала в кому. Через три года она умерла, так и не придя в сознание. Ее звали Эллен и я очень сильно любил ее. А она любила собирать цветы и ставить их в вазы.

К концу первой страницы, мои глаза начало жечь, и я отложил свою красную ручку. Это случилось, когда я дошел до момента, в котором он залез под кровать с кровью, текшей из его глаз (*«она также попала мне в горло и на вкус была просто ужасной»*) – я начал плакать. Кристи могла бы гордиться мной. Я прочел весь текст до конца и не сделал ни единой пометки. Я вытирал слезы, и ни одна из них не упала на страницы, написание которых стоило таких больших усилий. Вспоминал ли я в тот момент, что автор сего сочинения был медлительнее остальных учеников, что всего полшага отделяло его от диагноза «задержка развития»? Видит Бог, на это были причины, верно? Как и на его хромоту. Это чудо что он вообще выжил. Но выжил. Приятный человек, который всегда улыбался и не повышал голос на детей. Приятный человек, прошедший через ад, и работающий усердно и вполне успешно, как и большинство, чтобы получить диплом Старшей школы. Не смотря на то, что он будет уборщиком до конца своей жизни, просто парнем в зеленых или коричневых штанах цвета хаки подметающем пол или соскабливающим с него же жвачку шпателем, который он всегда носит с собой в заднем кармане. Возможно однажды, он изменит привычный порядок вещей, но одной ночью его жизнь уже изменилась, и сейчас он всего на всего человек в рабочей одежде, которого дети за его походку прозвали «Гарри - жаба».

Итак, я плакал. Это были настоящие слезы, пришедшие откуда-то из глубины меня. Дальше по коридору я слышал, как местная Лисбонская группа начала играть свою победную песню. Школьная команда выиграла, к счастью. Возможно, позже Гарри и его коллеги уберут трибуны и соберут мусор, который насыпался под них.

Я написал большую красную пятерку на первом листе сочинения. Смотрел на нее несколько мгновений, а потом добавил к ней большой красный плюс. Потому что работа была написана хорошо и смогла вызвать во мне, ее читателе, эмоциональную реакцию. Но что могла сделать эта пятерка с плюсом? Вызвать ответный отклик?

Что до меня, я только желал чтобы «сломанную» Кристи Эппинг наконец-таки «починили». В тот момент я был бы не против стать «эмоционально замкнутым», потому что все что последовало дальше, началось с тех самых слез.

Часть первая
Переломный момент
Глава 1

1

Гарри Даннинг окончил школу с отличием. По его приглашению я посетил небольшую торжественную церемонию в спортивном зале школы. Я был рад это сделать, потому как больше к нему никто не пришел.

После благословления (произнесенного Отцом Бэнди, который очень редко пропускал церемонии награждения) я пробился через близких друзей и родственников к тому месту, где в одиночестве стоял Гарри в своей легкой черной робе, с дипломом в одной руке и взятой напрокат шапочке выпускника – в другой. Он улыбался, выставляя напоказ ряды зубов, некоторые из которых были кривыми, а довольно большое количество других просто отсутствовало. Но, несмотря на это, улыбка была солнечной и жизнерадостной.

- Спасибо, что пришли, мистер Эппинг. Спасибо вам огромное.

- Я сделал это с большим удовольствием. И ты можешь называть меня Джейком. Это небольшая вольность, которую я позволяю своим ученикам, которые достаточно стары, чтобы годиться мне в отцы.

Он минуту смотрел на меня недоуменно, потом рассмеялся.

- Полагаю, вы это про меня, не так ли? Е-мое!

Я рассмеялся в ответ. Многие из присутствовавших тоже смеялись вокруг нас. И со слезами на глаз в том числе. То, что так просто давалось остальным, было так тяжело для меня.

- И эта пятерка с плюсом! Е-мое! Я никогда не получал такой оценки за всю жизнь! Никогда бы не подумал!

- Ты заслужил ее, Гарри. Итак, чем будешь заниматься, когда все это закончится?

Его улыбка померкла на секунду, видимо раньше он не задумывался над этим вопросом.

- Я полагаю, вернусь домой. У меня есть небольшой домик, который я снимаю на Годдард-стрит.

Он раскрыл свой диплом очень аккуратно кончиками пальцев, чтобы случайно не смазать чернила.

- Я сделаю ему рамку и повешу на стену. Потом, думаю, побалую себя бокалом вина, сяду на диван и буду любоваться дипломом пока не усну.

- Звучит как самый настоящий план, - ответил я. – Но может быть перед этим ты был бы не прочь вместе со мной съесть по бургеру с жареной картошкой? Мы могли бы заглянуть в кафе к Элу.

Я полагал, что Гарри отнесется с опаской к моему предложению, как, впрочем, всегда делали мои коллеги. Не говоря уже о большинстве тех, кого мы учили: все они избегали заведение Эла как чумы и

предпочитали посещать «Молочную королеву» через дорогу от школы или «Сорванную шляпу» на 196-м шоссе, рядом с Лисбонским открытым кинотеатром.

- Было бы здорово, мистер Эппинг. Спасибо!
- Джейк, помнишь?
- Джейк, точно.

Итак, мы вместе направились к Элу, где только я один мог называться «постоянным клиентом», и хотя в то лето там работала официантка, Эл обслужил нас сам. Как обычно, в одном углу его рта дымила сигарета (что запрещено в заведениях общественного питания, но никогда не останавливало Эла), а глаз с той стороны лица был прищурен от дыма. Когда он увидел сложенную робу выпускника и осознал чтобы это могло значить, он предложил сам оплатить счет (насколько был велик счет можно понять хотя бы потому, что вся еда у Эла была удивительно дешевой, что, кстати, давало почву для слухов о судьбах многих бездомных животных в округе). Он также сделал нашу фотографию, которая заняла свое место на Городской Стене Знаменитостей. Среди прочего на ней висели фотографии Альберта Дантона, владельца «Ювелирного магазина Дантона»; Эрла Хиггинса, бывшего директора Лисбонской Старшей школы; Джона Крафтса, держателя «Автомобильных распродаж»: и, конечно же, Отца Бэнди из Церкви Святого Кирилла (рядом с отцом находился Папа Иоанн XXIII[2], которого нельзя было назвать «местным», но которого почитал Эл Темплтон, сам себя называвший хорошим «котоликом»). На фотографии, которую Эл сделал в тот день, Гарри Даннинг был запечатлен с широкой улыбкой на лице. Я стою рядом с ним, и мы оба держим в руках его диплом. Галстук на нем висел слегка криво. Я помню это, потому что это навело меня на мысль о тех маленьких завитушках, которые он писал на конце каждой прописной буквы «у». Я запомнил все это. Запомнил очень хорошо.

2

Два года спустя, в последний учебный день я сидел в той же самой учительской и читал пачку контрольных эссе написанных по теме «Гордость американской поэзии». Сами ученики давно уже ушли на встречу очередному лету и я довольно скоро планировал поступить также. Однако на тот момент я был рад тому месту, где находился, наслаждаясь непривычной тишиной. Я даже намеревался прибраться у буфета, перед тем как уйти. Кто-то ведь должен был это сделать.

Ранее в этот день Гарри Даннинг подошел ко мне после занятий (которые прошли по-особенному возбужденно, как это обычно бывает в последний учебный день) и протянул мне руку.

---

[2] Блаженный Иоанн XXIII ((лат.) Johannes PP. XXIII, до интронизации - Анжело Джузеппе Ронкалли, (итал.) Angelo Giuseppe Roncalli; 25 ноября 1881 г. - 3 июня 1963 г.) - римский папа с 1958-го года.

- Я хотел бы еще раз поблагодарить вас за все, - сказал он.

Я усмехнулся:

- Ты ведь уже сделал это, помнишь?

- Да, но сегодня у меня последний день. Я выхожу на пенсию и поэтому хотел бы еще раз сказать вам «спасибо».

Когда я пожал его руку, между нами пробежал парень, не старше второклассника, с россыпью свежих прыщей на подбородке, напоминавших козлиную бородку, пробурчавший «Гарри-жаба по авеню скакала».

Я схватил его, чтобы он извинился, но Гарри остановил меня. Он улыбался и не выглядел обиженным.

- А-а, не стоит, я привык. Это всего лишь дети.

- Верно. Дети. И наша обязанность учить их.

- Я знаю. И вы в этом деле мастер. Но я не хотел бы выступать в роли, что называется, воспитательного средства. Особенно не сегодня. Я надеюсь, вы позаботитесь о себе, мистер Эппинг.

Он был достаточно стар, чтобы годиться мне в отцы, но видимо произнести просто «Джейк» было выше его сил.

- Ты тоже, Гарри.

- Я никогда не забуду ту пятерку с плюсом. Она тоже весит в рамочке, справа, рядом с дипломом.

- Что ж, отлично.

Именно так это и было. И все прочее тоже. Его эссе было примитивно скроено, но каждая его частица несла в себе силу и искренность, как и все творчество Бабушки Мозес[3]. И оно было определенно лучше написано, чем все, что я недавно читал. Орфография в большинстве сочинений была правильная и дикция не сказать чтобы хромала (хотя пришедшая ко мне в колледже склонность руководствоваться своими принципами обрела тенденцию отступать перед страдательным залогом в предложениях), однако сами тексты были невыразительны. Попросту скучны. Мои гордящиеся ученики были еще довольно «зелены» - например, МакСтедману, главе администрации, самому приходилось награждать пожилых людей, но писал он при этом как какой-нибудь старец или пожилая дева, сплошная брезгливость и фразы типа «о, не поскользнись на том льду, Милдред». И не смотря на все грамматические ошибки и сильный нажим при письме, Гарри Даннинг писал как герой. Один раз, по крайней мере.

Пока я размышлял над различиями между агрессивной и сдержанной манерой письма, интерком на стене подал свой голос:

- Мистер Эппинг находиться сейчас в Западном учительском крыле? Ты по любому должен быть там, Джейк.

Я поднялся, нажал на кнопку и сказал:

---

[3] Бабушка Мозес (англ. Grandma Moses, настоящее имя - Анна Мэри Мозес, урождённая Робертсон, (англ.) Anna Mary Moses, b. Robertson; 7 сентября 1860 г. - 13 декабря 1961 г.) - американская художница-любительница, одна из главных представителей американского живописного примитивизма.

- Да, я все еще здесь, Глория. Видимо за мои грехи. Чем я могу тебе помочь?

- Тебе поступил звонок. Знаешь паря по имени Эл Темплтон? Я могу перевести его на тебя, если хочешь. Или могу сказать, что ты уже ушел.

Эл Темплтон - владелец и управляющий «Обеда у Эла», который опасались посещать учителя Лисбонской Старшей школы. Даже уважаемый мной глава администрации, пытающийся говорить как какой-нибудь пожилой преподаватель Кембриджа и сам уже приближающийся к пенсионному возрасту, понимал, что знаменитый фирменный «Жирный бургер Эла» - это по-сути «Кошачий бургер Эла».

Конечно, там использовалась не настоящая кошатина, сказали бы люди, или возможно не кошатина, но уж точно не говядина, ведь цена всего-то доллар девятнадцать.

- Джейк, ты там не заснул?

- Нет, я весь внимание.

Однако любопытно, почему Эл позвонил мне в школу. Почему он позвонил мне вприципе. Ведь наши отношения всегда были только в рамках отношений «повар – клиент». Я ценил его еду, а он – мою преданность его заведению.

- Ок, можешь соединять.

- Кстати, а почему ты еще на работе?

- Потому что мне нравиться наказывать себя.

- О-о! - сказала Глория, и я представил, как затрепетали ее длинные ресницы. – Мне нравиться, когда ты так говоришь. Оставайся там и жди звоночка.

Она отключилась. Раздался звонок и я снял трубку.

- Джейк? Это ты, приятель?

Поначалу мне показалось, что Глория перепутала имя. Этот голос не мог принадлежать Элу. Даже самый бездушный голос в мире не мог так каркать.

- Кто говорит?

- Эл Темплтон, разве она тебе не сказала? Господи, это музыка сведет меня с ума. Что случилось с Конни Фрэнсис[4]?

Он начал громко кашлять, отчего мне пришлось немного отодвинуть трубку от уха.

- Ты говоришь так, словно у тебя грипп.

Он рассмеялся. При этом снова закашляв. Комбинация вышла довольно ужасная.

- Нет, не грипп, кое-что другое.

- Должно быть, это произвело на тебя сильное впечатление.

---

[4] Конни Фрэнсис ((англ.) Connie Francis; настоящее имя - Кончетта Роза Мария Франконеро, род. 12 декабря 1938 г. в г. Ньюарк, штат Нью-Джерси, США) - американская певица итальянского происхождения.

Я был у Эла вчера, заходил на ранний ужин: «Жирный бургер», жареная картошка и клубничный молочный коктейль. Я полагал, что для одинокого парня очень важно питаться разнообразно.

- Можно сказать и так. Во всяком случае, на какое-то время. Либо одно, либо другое.

Я понятия не имел, как мне на это реагировать. Я общался с Элом уже шесть или семь лет, когда приходил к нему на обед, и он был довольно своеобразным человеком, например, настаивал на том, что «Патриотов Новой Англии» надо называть «Бостонскими Патриотами», а Тед Уильямс[5], насколько он знал, был «чудиком», но у меня никогда еще не было с ним такого странного разговора.

- Джейк, нам надо встретиться. Это важно.

- Могу я спросить…

- Ты можешь спрашивать все, что угодно, и я отвечу, но не по телефону.

Я понятия не имел, как много ответов он сможет мне дать, перед тем как отключится, поэтому я пообещал, что загляну к нему через час-другой.

- Спасибо. Приходи как можно скорее. Время - деньги, как говорится.

И он просто повесил трубку, не попрощавшись.

Я поработал над следующими двумя эссе. Оставалось еще четыре, что меня совсем не радовало. Настрой на работу исчез окончательно. Поэтому я положил оставшиеся сочинения в свой портфель и ушел. Разговор с Элом занимал мои мысли, пока я поднимался по лестнице в офис, чтобы пожелать Глории хорошего лета, однако я поспешил, потому что она должна была работать всю следующую неделю. Готовить книги для следующего учебного года. Вместо этого, я пообещал себе, что приду в понедельник навести порядок в буфете. Иначе после каникул учителя Западного крыла обнаружат там тараканье царство.

Если бы я только знал, какое будущее ожидает меня впереди, я бы все-таки поднялся увидеть Глорию. Я даже мог бы поцеловать ее, что не раз порывался сделать в последние пару месяцев. Но, естественно, я не знал. Не знал, что человеческая жизнь может обесцениться в мгновение ока.

© Перевод Зоро, 2012

[5] Тед Уильямс (((англ.) Ted Williams, 30 августа 1918 г. – 5 июля 2002 г.) – известный американский бейсболист. Играя за команду «Boston Red Sox», за свою спортивную карьеру Уильямс сделал 521 хоумран, а также остался последним из бейсболистов, чья результативность матча достигала показателя 400. На данный момент показатели лучших бейсболистов не превышают 300. Тед Уильямс является не только звездой бейсбола, но и народным героем. Он был добровольцем во время Второй мировой войны и войны в Корее. В 1966 году спортсмен попал в Зал бейсбольной славы, который находится в городке Куперстаун.